ВОВА ФЕТТ
СЕРАЯ ПОЛОСА. НЕВОШЕДШЕЕ
КОРОЛЕВА

Annotation

В мире бесконечной пробки на безымянном шоссе люди рождаются, живут и умирают в автомобилях. Весь их мир — узкая полоса асфальта, растянутая до горизонта вперед и назад. Добро пожаловать в новогоднюю историю во вселенной "Серой полосы"!

Лена, лидер "банды из танка" ищет потерянную, а может и вовсе погибшую подругу, постепенно расставаясь с прошлым.

Аня по прозвищу Пыль превращает заброшенную Бензоколонку в нечто новое, пока Дорогу медленно накрывает снежная зима.

12 глав — по числу курантов перед Новым годом, 12 глав, которые завершают историю мира Дороги окончательно.

- Лена XII
- Пыль XI
- Лена X
- Пыль IX
- Лена VIII
- Олаф VII
- Пыль VI

Серая Полоса. Королева

Лена XII

Огонь вытянулся в линию, которая полностью занимала горизонт со стороны Дороги. Жирный дым тащил в небо пепел старой жизни — лютые пьянки до рассвета с неограниченным алкоголем, почтительный страх в глазах всех и каждого и возможность вообще ни о чем не переживать. Лена жила, будто сложив ноги на хребет жизни и счастливо откинувшись на спинку стула беззаботности.

Но все это кончилось — вместе с горящим бензином, который унес с собой еще и значительную часть Пробки на много километров в обе стороны от Бензоколонки.

Но беспокоило ее даже не это. В целом, танк под задницей, тайники с горючкой в Немире повсюду — спасибо Блейку, Город забери его усищи, за предусмотрительность, — еще можно пожить, давя пятку в пол.

На самом деле Лена волновалась ровно об одном человеке, который, возможно, сейчас там, в этом аду.

О Королеве.

Для всех вокруг она была Королевой, а для Лены — просто подругой, странной, тихой, элегантной, рядом с которой Юспешик чувствовала себя неотесанным прокуренным мужланом вроде Ковача.

Она хотела сбежать, мечтала сбежать, Лена даже обещала ей в этом помочь — не сегодня, не завтра, прости, я правда не могу прямо сейчас, нас же убьют, ты же понимаешь, но, может, через месяц… — и не успела.

Лена сидела на броне и наблюдала пожарище, используя одиночество, как возможность без стеснения пустить слезу и выкурить столько сигарет, словно она пыталась вдохнуть в себя сам пожар.

Душа ее стремительно чернела вместе с легкими.

Когда неподалеку затрещали и зашевелились кусты, Лена не глядя нащупала валяющийся на броне пистолет и лениво вытянула руку в сторону шума.

Но это были всего лишь Блейк и Оззи. Усатый бухал своими говнодавами и врезался в кусты локтем. Вторая рука тащила

белобрысого, который, кажется, был в полной прострации и, конечно же, босиком. Идиот.

Лена опустила оружие, свесив его между колен.

— Эш все, — выдохнул изрядно запыхавшийся мехвод, подойдя ближе. От него шибануло гарью так, что Юспешик невольно отклонилась. Воняло резиной, пластиком, горячим металлом и тошнотворно сладкой смертью.

— В смысле все? Сдох?

Блейк кивнул.

— Ты прям сам видел?

— Да что там видеть, — он отпустил наводчика и тот медленно, будто перышко птицы с высоты, осел на землю. И сразу стал задумчиво ковырять землю, застрявшую между траками. — Парадизы внутри Бензоколонки. Я не верю, чтобы Эш сдриснул со своего железного трона, так что…

— Дорога святого, дорога безумца, дорога радуги, дорога пустословия — да любая, — вдруг продекламировал Оззи. — Она ведет кого угодно, куда угодно, как угодно. Кого, как и куда?

— Эй, — прикрикнул на него Блейк, — ты же внутрь заглядывал! Подтверди.

— Одни безумцы, — ответил на это наводчик, — те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасенным, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скучает и не говорит банальностей, кто лишь горит, горит, горит!

Лена вздохнула. У Оззи был очередной приход — и неудивительно, наверняка парни насмотрелись там того, на что смотреть здоровому человеку не стоит никогда.

— Что ж, это ответ, — сказала она, подтащила ноги и встала на броне.

— Королевы мы не видели, — добавил Блейк.

— Хорошо, — максимально безралично произнесла Юспешик. — Ждем Алекса и сваливаем.

— Куда? — мехвод, несмотря на всю внешнюю удаль выглядел потерянным. У него тоже сгорела вся жизнь. У них всех.

— Искать новый смысл, — ответила Лена.

Пыль XI

Я нашла тетради. Обычные школьные тетради, которые мы когда-то совсем не берегли, рисовали на полях и на последних страницах, вырывали листки из середины. И, конечно, воровали тетрадки, чтобы сделать анкеты. У популярных девочек они были заполнены так, что буквально пухли и лезли за пределы обложки — от вклеек, секретиков, пришитых кусочков ткани или редких пуговиц в подарок.

Моя анкета была не слишком популярной и меня это ужасно расстраивало в те годы. О какой же чепухе я думала…

Я сидела над этой анкетой здесь, в библиотеке и, украдкой, вписывала в нее несуществующих людей — персонажей, которые встречались мне в книгах. Какие-то рыцари, которые вместо автомобилей использовали лошадей, дамы в пышных платьях, которые собирают салоны, что бы это ни значило, и многие-многие другие. Они были мне друзьями — и бережно записывали ответы на глупые девачковые вопросы моей рукой.

Теперь библиотека — просто затхлое помещение, где книги валяются без всякого порядка, кучей, а за дверью — Бензоколонка, превращенная в склеп. Да, мертвых уже там нет, но ощущение мертвого, некротического, немирского оставалось, просачивалось через щель под дверью.

В библиотеке работала Жанна. Очень молодая, наверняка моложе, чем я сейчас, живая, с которой было весело всем. И таким как я, которые прятались за книгами и внутри них. И другим девчонкам и парням, которые предпочитали друг друга, а не бумагу и буквы.

Она развлекала всех, находила книги про любовь — они нравились нам, девочкам… И еще она была очень красива, как я сейчас понимаю. Тогда я не очень об этом задумывалась, но видела как смотрят на нее парни-одноклассники и от этих взглядов морщилась, потому что считала их болванами, которым интересно только одно.

Но теперь, вытягивая ее лицо из воспоминаний, мне не хочется их ни в чем винить. Сама бы смотрела. Как на природное произведение искусства. Бывают же такие люди.

Помню, как она подошла ко мне и предложила заполнить мою анкету. Какой же радостный это был момент! Я точно знала, что никому еще такого не удавалось — заполучить ответы от самой Жанны, прекрасной Жанны, которую все обожают. Я передала ей тетрадку с благоговением, и она пообещала, что вернет ее через день.

И она вернула и весь следующий месяц все только и делали, что подходили и неловко просили посмотреть. Даже самые популярные девочки в классе. Хотите посмотреть — заполняйте, решила я. И уже скоро моя анкета стала такой же пухлой, разноцветной и распадающееся на самые разные мелочи, как и у всех.

Теперь я пишу это в тетрадку. Не знаю зачем. У некоторых девочек были дневники, может, и мне пора его завести? Жанна говорила, что я хорошо пишу, сказывается чтение хорошей литературы.

Надеюсь, она выжила, когда школа перестала существовать и вместо нее появился Король Бензоколонки.

Лена X

— Как пердеж в ветре искать, — заметил Ковач, когда делегация Пита отчалила.

Танк медленно полз прочь от Дороги, за горизонт, чтобы не привлекать внимания с Дороги.

— Тридцать тысяч литров, — коротко ответила Лена. Спорить ей не хотелось. — Можно и рискнуть.

— У Пита просто жопа подпалена основательно, он любой чепухи готов был наобещать.

— Если есть другое предложение где подзаработать, то я слушаю.

Конечно, рыжий не ответил. Ныть, барагозить, бухтеть и жаловаться он мог часами, а от конструктива ему становилось грустно и скучно, ведь это думать надо, чтобы что-то предлагать, а его ржавая башка к этому не привыкла.

— Могли бы своих искать вместо этого, — все никак не сходил с волны нытья Ковач, — явно же кто-то успел сообразить, что дело не выгорает… точнее, наоборот… короче, ты поняла! Нормальные ребята точно успели свинтить.

— И что бы мы с ними делали? — Лена думала о том, чтобы собрать команду. Найти всех. И забацать какое-никакое новое дело. И без Эша справятся, что-нибудь придумают коллективно. Но она боялась искать, потому что это значило бы находить не только живых. — Лишние рты только, которые еще и привыкли в бензине купаться. Прожрут наши запасы в считанные дни.

— На дело бы их подрядили.

— На какое?

— Да на любое! Прибыльное, епт! Ты командир, ты и раскинь мозгами.

Город, подумала Лена, и почему мне приходится общаться именно с Ковачем? Как вообще вышло, что с Хмурым Питом дела ведет он?

— Королеву бы нашли! — наконец-то Алекс выпалил главное. — Ты же все равно страдаешь по подружайке, ну.

— Ой, заткнись!

Лена запрещала себе горевать. Она не видела подругу мертвой, а, значит, будет считать ее живой. Может, действительно, смогла уйти с этими Пешеходами, за которых Эш ее наградил огненной пощечиной… Странные, конечно, ребята, но, вроде, людей с собой уводить умели.

Лена стала представлять, что Королева стала бродягой — как она идет между рядов, где-то там далеко впереди и, вместо роскошной кровати Эша, спит на голом асфальте…

Лучше так. Лучше так, чем сгореть или быть проткнутой рессорой какого-нибудь грязного парадиза.

Они бы ведь не стали разбирать, никто из них не стал бы спрашивать “А вы, случайно, не передумали быть в свите Эша? Ах, передумали? Ну тогда, конечно, острыми палками в вас тыкать не будем”.

Хотя, конечно, может быть та блонда-пешеходка, которая их вела в последние дни и опознала Королеву, запомнила, что ее ненаглядные друзья хотят забрать ее с собой…

Главное, чтобы она не захотела остаться с книгами. Тряслась над ними все время, единственное ее сокровище, которое Эш не растоптал в порыве своего тупого эгоизма. Он ведь ее даже к книгам ревновал, к любым занятиям, хобби, работе, желанием, а не только к людям.

Она представила, как Королева, с одеждой и лицом в черной копоти, спасает книги, выбегая с охапкой из дверей Бензоколонки — прямо на колья рессор…

— Мне вот интересно, как мы парадизов продолбали, — очнулся снова Ковач. — Эти лозунги их и все такое, давно же оно появилось…

— Какая теперь разница? — бросила Лена через сжатые зубы.

— Не, ну чтобы ошибок не повторять, то се…

— Ну так и не повторяй. Если найдешь цистерну бензина ничейного — просто пройди мимо.

— Ну щас! — загоготал рыжий.

В целом, парадизы могли скинуть Эша давно — в любой момент, когда танка нет на горизонте. Просто трудно лезть на ружья ради лучшего будущего, зная, что ты сам его не увидишь. Но тут появились Пешеходы и раззадорили их — своей мнимой свободой, лозунгами, опасными идеалами.

Пешеходы вкрутили свечи в двигатель безумия, а эта их Султана повернула ключ зажигания.

Вот только сломанные машины от такого не едут, а взрываются. «Дорога куда угодно, для кого угодно, как угодно». Тупые идиоты.

Ее мысли прервала остановка — танк замер, задремавший, было, Алекс, смешно съехал со стула и недовольно заворчал.

Лена надела наушники и, одновременно, прильнула к обзорному триплексу. Да, отъехали они достаточно. К тому же Блейк спустил машину во что-то типа небольшого продольного углубления в земле. Как это? Овраг! Лена удивилась наличию в ее голове редкого слова, а потом вспомнила откуда у нее такие словечки в голове выскакивают — Королева со своими книжками, которые она и Лене умудрялась впаривать. Я ведь даже читала, подумала Лена. Ляжешь вечером на теплую от неостывшего еще двигла броню, откроешь — корешок скрипучий, листья желтые, тонкие, кажется, тронешь и рассыпятся в труху. Всякая фантастическая канитель про выдуманную жизнь в Городе ее не интересовала, а вот приключения в Немире — очень даже, хотя и удивительно, что все там по земле ходят и даже спят на ней и ничего с ними не делается. Там даже были ребята, мелкого росточку, которые намеренно босиком по нему ходили, прям как Оззи.

— Здесь заночуем, — приказала Юспешик, очнувшись от воспоминаний. — А завтра вернемся к Питу и озвучим решение.

— Да пошел он в жопу! — снова запротестовал Ковач, занятый поглаживанием своего ушибленного копчика. — Я знаю его лучше тебя. Он просто нами пользуемся.

— Нам бы подзаправиться, — проводка внутренней связи опять накрывалась, но даже сквозь помехи слышалось мрачное раздражение Блейка. Он тоже был не в восторге от идеи ловить ветер в поле. — Мы в двух километрах от заначки.

— Тогда сначала туда, а потом обратно к Пробке, — устало согласилась Лена. С протестными настроениями внутри команды она разберется как-нибудь потом. — А еще нам нужен проводник.

— А? — переспросил Алекс. — Это кто же? Кроме нас никто по полям не шастает.

— Кто-то из питовских, — пояснила Лена. — С кого можно спросить если что.

— Только паек наш жрать будет!

— Зато банкира своего в лицо узнает, если что. Или еще кого ценного отыщем, у них же там куча народу разбежалось.

Пыль IX

Я, наконец-то, отлипла от книг и занялась тотальной уборкой. Я! Уборкой! Никогда не имела к этому никакого таланта, в общежитии ненавидела чистые дни, когда все собирались вместе, вытаскивали свои вещи наружу, брали швабры и давай намывать опустевшее нутро автобуса…

Сначала я провела инспекцию. В тронном зале все еще ужасно воняло, а разводы и пятна на полу все еще намекали на недавнюю бойню. Потом проверила спальню. И подумала, что было бы классно поспать на настоящем матрасе. Затекшая спина постепенно побеждала отвращение.

Внизу все было гораздо проще — пыльно и грязно, но зато никакой крови. По памяти нашла туалет, то есть “мокрую точку”, как мы ее во времена школы называли. Повертела краны в раковине — воды нет. Жаль, наверное, что-то испортилось за эти годы.

Зато там же нашлась швабра и несколько ведер! Так что я взяла два ведра и добрела до водоразборной колонки, переделанной, как обычно, из гидранта. Обратно еле дошла — вода, чтоб ее Город побрал, тяжелая, а железные дуги ручек больно впиваются в руки.

Причем пришлось несколько раз ходить — пока отдраила первый этаж, шесть ведер ушло, а на верхний этаж… Представьте себе розовый водопад текущий по ступеням. Вот так оно и было. И самое паршивое то, что помогло это слабо. Кровища успела глубоко въесться и полностью не оттиралась. Понимаю, что нужна какая-нибудь химия, но где я ее тут возьму?

Еще я решила разобрать этот безобразный трон. Во-первых, он тоже весь в кровище, во-вторых, просто выглядит неэстетично. Так что я вытащила канистры наружу и свалила их в одну кучу. Теперь о прошлом здесь напоминают только рессоры, вбитые в стену, но с ними я ничего сделать не смогла.

Потом я набрала воду уже себе для питья, наполнила бачок унитаза — после стольких лет вонючих общественных биотуалетов… Хорошо, что этот дневник никто не прочитает, можно и об этом написать. Короче, люди не должны ходить в туалет, так как мы ходим в

Пробке! Это же унизительно. Помню, когда я вернулась со школы на свой участок и снова пришлось стоять в очередях, чтобы просто сбегать по-маленькому… Когда началась Эпоха Шашлычной, я даже к Гиви стала просится периодически и, спасибо ему за доброту, он пускал.

Фух, высказалась.

А потом началось странное. Я решила расставить парты на первом этаже. Не знаю зачем, за окном — погоревшее побоище, вряд ли тут скоро снова появятся ученики, но… хотелось вернуть зданию его старое значение, стереть весь тот ужас, что тут происходил после. Так что теперь у меня ободранные руки, и я очень-очень устала! Зато внизу — хоть сейчас заводи учеников.

Я вспомнила, как сама сидела за этими партами, слушала, записывала, впитывала. Здесь все преподавали лучше, чем в Пробке, кроме, пожалуй, математики, нужно отдать должное Раисе и ее знаниям… Вот бы, конечно, все сложилось иначе и пригласить ее сюда. Представляю, как она бы стояла перед рядами учеников и объясняла как извлекать корень и возводить в квадрат, указывая вверх ярким лакированным ногтем…

Я сидела всегда впереди, на первой парте, но сбоку, поближе к окнам, чтобы не слишком выделяться. Быть по центру мне казалось как-то вызывающе, какие только глупости детский мозг не выдумывает.

Еще помню, как привели новенького, и я его сразу узнала. Кто-то из учителей, Денис Борисович, наверное, потому что шел урок ПДД, на котором всегда хотелось спать, завел низкого, худого, скособоченного парня в очках и сказал “Знакомьтесь, это Влад”.

Влад был бледный, почти белый, с постоянно всклокоченными мокрыми волосами — что-то не так было с его здоровьем и шептались, что он тут, в школе, не только потому что его богатый батя сюда отправил учиться, а и потому, что здесь недалеко врач хороший живет, который разбирается в редких болезнях.

Он шмыгнул носом, прошел на одну из последних парт — и так и не менял ее до выпуска, ни с кем не общаясь. Он тоже любил книги, постоянно утопал в них носом, и я думала, что раз мы с одного участка и оба любим читать, то могли бы подружиться, но не сложилось.

Влад меня избегал и как будто боялся. Я даже начала подозревать потом, что именно тот факт, что я с его участка его и пугал. Ведь отец его не только учиться и лечиться отправил сюда, надо думать, но и чтобы защитить от своих врагов.

Может он думал, кто-то специально отправил маленькую общажную девочку из бедной семьи, чтобы следить за ним, потому что как иначе она сюда, в элитную школу далеко от дома, попала?

А я ведь сама не знаю — как. Помню, как я долго шла с мамой, ноги устали ужасно, хоть мы и присаживались отдохнуть несколько раз, даже переночевали в каком-то другом автобусе, который настолько был похож на дом, что я легко уснула. И когда дошли, мама долго с кем-то разговаривала, просила, умоляла даже. А потом меня тестировали, какая-то женщина, которую я потом в школе ни разу не видела — давала какие-то логические задачки, просила написать несколько предложений, много хмыкала.

— Надо же, девчонка писать умеет грамотно, — сказала она маме поверх моей головы, — а я думала у вас там бумаги нет, чтобы научиться.

Я не помню ответа, потому что в этот момент заплакала, мне слова этой тетки показались очень обидными. Наверное, тогда я впервые осознала, что мы очень бедны. Сейчас уже сложно представить, что стоило родителям отправить меня туда, и если бы была рядом — крепко бы их обняла. Надеюсь, у них там, позади, все в порядке.

Уже на следующий день, хоть я и ужасно грустила и всего боялась, я поднялась сюда, наверх, увидела книги, Жанну — и пропала.

Ну, а теперь я это пишу. И предвкушаю следующий этап — хочу отсортировать книги. Будет пыльно, но я уже нашла небольшую тряпку и скоро они будут чистые, опрятные и стоять ровными рядами. Как раньше!

Лена VIII

Этот Эдуард вообще не внушал доверия. Во-первых, потому что сразу задрал нос и стал говорить вещи, которые сам не понимает. Во-вторых, потому что не прошел проверку радаром Ковача.

— Мусорской, — заявил он, обходя Низкого кругом и шумно втягивая носом воздух, как полоумный маньяк. Когда ритуал обнюхивания закончился и пробочник неуклюже полез на танк, высказал свои сомнения и Блейк — мол, хлебнем с этим проблем.

А вот Оззи наоборот воспрял духом и стал утверждать, что нашел след. Поэтому пришлось его отправить на место рыжего, чтобы он Блейку путь показывал, ищейка белобрысая.

А самой сидеть в башне с этим копом и Ковачем. Компашка была такая отличная, что все трое просто сидели, каждый со своими мыслями в башке, если таковые вообще у этих двоих водятся. Рыжий нервничал, потому что кожей чуял мента. Мент нервничал, потому что пробочный и за пределами Дороги ему неуютно, а может даже и плохо делается — вон, бледный сидит.

Сама же Лена сидела в наушниках и глядела в триплекс, делая вид, что отрабатывает свою роль командира. Снаружи не было ничего примечательного — танк мял под себя высокую траву, в которой иногда неожиданно появлялись молодые деревца, которые либо раскатывались в труху гусеницами, либо со скрежетом протягивались под днищем.

Чего в этом однообразии мог разглядеть Оззи — загадка. Но, с другой стороны, его интуиция хорошо работала, несмотря на беды с башкой, стоило довериться.

Так они ехали где-то час, а потом Блейк замедлил ход и танк замер посреди нигде.

— Чего встали? — спросила она по связи.

— Оззи след потерял, — в помехах прорезалась несвойственная для Блейка язвительность.

— Ну так пусть вылазит и ищет.

— Ему перерыв, говорит, нужен. Перезарядка.

— Опять пойдет Немир топтать? Ну пусть валит.

Лена скинула наушники и устало и разочарованно сгорбилась в командирском кресле. Ковач, хоть и дурак, в одном был прав — они ищут призрака в огромной пустоте Немира.

Лена открыла люк и вылезла наружу. Оззи уже свинтил — слышно было, как он движется в траве. Она была на вид мокрой, и Юспешик невольно поежилась. Как этот сумасброд все-таки это делает? Даже если представить, что Немир его не берет, это же просто неприятно — ходить там внизу, почти вслепую, раздвигая траву руками, а от росы мокро и холодно…

Она попыталась прикинуть, где они, но задолбавший однообразный пейзаж не помогал. Наверное, уже за Бензоколонкой. Да, наверняка — даже отдельно стоящих деревьев не видно, они на проплешине, вот еще одно словечко от Королевы — “степь”.

От нечего делать Лена закурила, и на запах тут же показалась рыжая башка.

— Дай-ка тоже, — пробормотал он, усаживаясь на другой стороне башни.

— Эй, как тебя, Эдуард, — позвала Лена, — подышать воздухом не хочешь?

Пробочник вылез и сразу же сел на жопу и даже обхватил коленки руками.

— Ниче-ниче, привыкнешь, — заметил Ковач, наблюдая за этим с кривой улыбкой.

Низкий, осознавший, что он со всех сторон окружен миром мертвых смотрел вниз, в броню. Слегка дрожащими руками потянулся к карману рубашки и достал свою пачку… Очень знакомую пачку. Хорошие сиги, качественные.

— Оп-па, — тут же вспыхнула Лена, — ну-ка, Эдуард, отсыпь мне штучки четыре.

Низкий нехотя поделился. Наверняка они прилично стоили. Лена тут же прибрала их себе в жестяную коробочку и, не удержавшись, украдкой понюхала одну.

В этот момент внизу громко зашелестела трава, заколыхалась, распахнулась, и у танка появился Оззи — мокрый, всклокоченный ужасающе бодрый.

Низкий, уже подносивший пламя кустарного вида зажигалки к лицу, замер и открыл рот, сигаретка повисла, прилипшая к нижней

губе.

— Это что за херня… — прошептал пробочник.

Ковач заржал, встал, спустился с башни на броню и помог белобрысому подняться. Увидев босые ноги, черные от грязи, Низкий попятился. Прямо сидя, скользя задом по металлу и мелко суча ногами.

— Капец ты, Оззи, мог бы так не врываться, людей новеньких пугаешь, — заметила Лена, хотя ей самой было весело от шока Низкого.

— Что, у вас таких нет? — спросил Ковач.

Низкий медленно моргнул, будто приходя в себя и, наконец-то, прикурил.

— Есть, — сказал он, выдыхая дым, — Мертвецами зовутся.

— Ну то, что вы мертвых за Обочину скидываете — это-то да, — протянул рыжий, — а вот чтобы живые ходили?

— Так я про живых, — пояснил Эдуард. — Мы таких пасли одно время. Назвали их просто Мертвецами, понимаешь?

— Ааа, — протянул Ковач. — Ну а чего тогда глаза вылупил, как будто не знаю что увидел…

Оззи, тем временем, поливал ноги из специальной лейки. Это было ее, Лены, правило — не хватало еще, чтобы этот дурак немирской дряни в танк нанес. Пятки его, впрочем, все равно оставались чернее ночи.

Быстро выяснилось, что Оззи снизошло озарение и теперь он лучше понимает куда ехать — вдоль Дороги надо, вперед!

Лена коротко кивнула, докуривая и приказала: пакуемся, выезжаем. Внутри она снова надела наушники, тронулись. Танк пошел вперед и вправо.

— Эй, — заметила Лена, — вдоль Дороги же вроде решили.

— Дорога же не прямо идет, — пояснил Блейк. — Срежем, потому что этот Хоботов, если не дурак, тоже срезал бы.

— Ему-то откуда было знать, как Дорога поворачивает? — ответила на это Лена, но, в целом, спорить не стала. Если они не будут приближаться к Пробке как можно больше — то и хорошо.

Для дорожных их появление рядом, наверное, всегда как предвестие конца света. Когда Эш своей огненной рукой правил, прибытия танка все боялись жестко — она не раз и не без

удовольствия наблюдала, как людишки драпают врассыпную, бросая свои автомобили, лишь бы с ними не встречаться. Теперь Короля нет, а пробочники все также напрягаются.

Все, кроме вполне конкретных людей, с которыми лучше бы держать дистанцию. И через несколько часов пути Лена поняла, что именно к таким людям они опасно приближаются. Впереди были территории аграриев.

— Эй, Оззи, — подняла этот вопрос Лена на следующем привале, — у тебя там твой компас не сбился? Нам бы в эту часть Дороги не лезть.

— Он, говорит, унюхал кого-то из евонных, — со смешком заметил Ковач, — говорит они, пробочные, пахнут все по-разному. Вот этот вот, — рыжий махнул ложкой в Низкого, который украдкой повернул голову к подмышке и вдохнул, — из шашлычных, потому и вонь от него соответствующая. Вот кого-то из ихних он нащупал там.

Оззи, довольно бессмысленно водя глазами, был где-то глубоко в себе, хотя и поворачивал голову на говоривших. Лена вздохнула.

— А ты что скажешь, коп? — и она стала буравить Эдуарда взглядом. К этому моменту он уже отошел, расправил плечи и всем видом показывал, как ему нормально.

— Я во все это не верю, — важно пыжась, ответил он. — Что можно там кого-то как-то учуять на расстоянии и все такое. Но то, что мы вдоль дороги едем — это правильно. У Хоботова хоть и мощная машина, но не танк. Он бы тоже Дороги держался, хоть и на расстоянии, чтобы не спалиться.

— К аграриям мог прибиться?

— А они кто такие?

Ну да, он же пробочный, ничего не знает о жизни вообще. Лена принялась объяснять, кто это и почему они опасны даже для тех, у кого танк есть.

— Пф, — ответил на это Низкий, — подумаешь… ну пусть даже пулеметы. Что они с вашей броней-то сделают?

— Ты меня танком править не учи, — хотелось еще ладошкой замахнуться, но это было бы как-то совсем смешно и не угрожающе, потому Лена не стала, — лучше скажи, мог к таким Хоботов прибиться?

— Да как будто мог бы. Ну, я так понял, они там любители с бумагами повозиться, бюрократию развести… он это умеет, им бы пригодился.

— А если еще и с бензаком, так вообще, — кивнула Лена.

Вот только к ним не подступиться. Никак. Они Эша ненавидят со времен, когда он аграриев под себя поджать попытался и не преуспел. И если увидят танк — один только Город знает, что выкинут. А пешком к ним идти — это добровольно в клетку лезть. Если пробочный банкир у аграриев — их им оттуда не выковырять.

— Эй, Лен, — вдруг ожил Оззи. Взгляд резко сфокусировался, а голове на шее сдвинулась в сторону — ухом к Дороге.

— Чего?

— Байкеры.

Лена прислушалась и выделила из окружающего фона сама — старые знакомцы, Вольные байкеры, ни с кем не спутаешь. Движутся, судя по всему, от загонщиков к аграрияем. С добычей поди.

— Так, — Лена поднялась на броне, — Блейк, дай бинокль.

Она нервно выхватила его у механика-водителя, приложила к глазам и сразу их увидела. Движутся медленно, видно плохо — вдоль барьера едут, автомобили их закрывают.

Лена сунула бинокль менту.

— Смотри в оба, — приказала она, — ищи, не везут ли они кого.

Олаф VII

Олаф слез с коня и стал снимать висящие с боков длинные ящики.

Встречающие его фермеры — Марк и Нил, они же правые, левые и прочие руки Кивана и, одновременно, его конкуренты, сразу же оживились.

Марк как всегда в широкополой шляпе, с соломинкой во рту, вокруг глаз собраны дерзкие морщинки, на поясе огромный револьвер в кобуре. Он был необычный фермер, почти загонщик — у него в Немире было свое стадо. Его команда посменно дежурила там, защищала коров от хищников, перегоняла их по Немиру. Молоко, которое он добывал таким образом, по праву называли “белым бензином”. Оно было дорогое, дефицитное и всем нужное.

Нил — огромный, черный, накачанный, в белой майке и тоже, конечно, вооружен — под мышкой торчит огромная рубчатая рукоять пистолета. У него была своя пасека. Олаф не сразу понял, что это такое, когда только пришел сюда с Пешеходами. Он, конечно, помнил, что такое мед — тягучая сладкая хрень, еще дороже молока, но зато не портится. Но, как он производится, не имел не малейшего понятия.

Когда ему рассказали, что мед создают пчелы, такие животные с жалом в жопе, которые, так-то и убить могут, Олаф нарисовал себе в голове картинку ужасного монстра размером корову, с жалом и выменем, из которого медленно течет густая янтарная жижа. Но все оказалось не так, пчелы были всего лишь насекомыми. А их ценность, как выяснилось, основывалась вовсе не на меде.

— Пчелы главные работяги тут, — сообщил Нил при знакомстве. — Опылители. Без них бы ничего не росло вообще.

И вот эти двое серьезных дядек, одни из самых богатых людей на всей протяженности Дороги, среагировали на ящики как сущие дети.

Олаф, усмехаясь их улюлюканию, опустился на колено, снял зажимы с одного из ящиков и открыл его. Внутри — ручные противотанковые гранатометы и снаряды к ним. Чего только не найдешь на Свалке…

— Ох-ре-неть, — с чувством произнес Марк. — Теперь это не кажется безумием.

Олаф улыбнулся. Именно он, наслушавшись истории Семена про танк, придумал простую идею — прибрать боевую машину себе. Поначалу фермеры отказались, особенно Киван. Он не верил, что это возможно: ни силовым методом, ни переговорами, ни обменом. Остальные с ним были, в целом, согласны, потому что считали банду из танка агрессивными и неспособными на конструктив дураками.

Отчасти, судя по тому, что говорил Семен, это было правдой. Но ведь очевидно было — у них заканчивается горючка, они не нашли мифические тридцать тысяч литров, Хмурому Питу предъявить уже нечего, так как нечего предъявить покойнику.

А значит, танк медленно превращается из эффективного инструмента в страшно требовательную обузу. Судя по всему одна минута работы танкового движка сжигает столько топлива, что хватило бы сверстать месячный бюджет небольшого участка.

Так что вполне возможно Лена Юспешик будет податлива на переговоры. Особенно если у них будут аргументы типа тех, которые Олаф только что привез.

Впрочем, когда Олаф пришел с идеей купить танк, фермеры сначала засмеялись, а потом, когда поняли, что он серьезно — округлили глаза.

— С чего бы они решили его продавать? — спросил Киван.

— У них мало топлива, они заперты рядом с нашей территорией и у них нет никакой цели. Даже Семена, за которого могли бы получить выкуп, продолбали.

— Это ты рассуждаешь рационально, — заметил Нил. — А они — гребаные фанатики.

Олаф покачал головой. То, что рассказывал Семен можно было интерпретировать как угодно. Они дураки, идиоты, зазнайки, переоценивают себя, недооценивают других, но уже точно не фанатики.

— А еще они точно не единый организм, каким танк кажется снаружи, — добавил контрабандист. — Они цапаются между собой, они сомневаются, они эмоционируют и они ошибаются.

— Даже если так, — продолжил Нил, — танк объективно стоит как половина всех наших ферм.

— С чего бы? Это, конечно, самый редкий товар, за которым мне приходилось охотиться, но на него все же довольно слабый спрос.

Сторгуемся.

— Это не товар, а ты уже не контрабандист, — напомнил Марк.

— Однажды контрабандист — всегда контрабандист, — ответил на это Олаф с широкой улыбкой.

И пообещал, что найдет весомый аргумент для переговоров. Теперь этот аргумент лежал на асфальте у ног фермеров.

Пыль VI

Ко мне приходили гости! Ничего себе! А еще выпал первый снег!

Это, кстати, была проблема. Во-первых, я не сразу поняла, что делать с отоплением. Бензоколонку явно в разные времена обогревали по разному, и я обнаружила целый срез эпох. Догадалась проследить за трубами от радиаторов под окнами. Все они спускались в подвал, а там превращались в спутанный клубок пластиковых и металлических макарон.

Сначала нашлась печь на бензине — и это было так логично раньше, но теперь-то его тут нет, сгорело все. Так что вариант с ней отпал сразу. Потом нашлась знакомая мне штука — “буржуйка”, не раз видела ее иллюстрации в книгах, да и в старых машинах они попадались — из стародавних времен, где климат был суровее. Выглядела она не очень, трубы проходящие через ее нутро доверия не внушали, а черное пятно на стене за буржуйкой говорило о том, что хоть от нее и выведена труба в маленькое подвальное окошко под потолком, но тяги нет и дым все равно идет в помещение. К тому же ее требовалось топить дровами, но близких к Дороге деревьев не наблюдается, поэтому тут я тоже пролетела. А все что могло гореть на самой Дороге уже выгорело.

Зато третье решение сработало. Раз в здании есть электричество и берется оно, судя по всему, откуда-то извне, а не от генератора, как у Гиви, то и отапливаться можно электричеством! И кто-то в прошлом догадался сделать что-то вроде кипятильника, который греет воду в специальном бачке. От него трубы шли будто поновее — желтовато-белые, пластиковые. Кое-как я нашла, где эта конструкция включается, даже датчик температуры рабочий обнаружила. И оно заработало! Стало тепло!

Надеюсь, никто ко мне не придет и не предъявит счет!

Во-вторых, снег сначала таял, а через несколько дней перестал. Пришлось найти лопату и чистить площадку перед входом, чтобы меня тут не завалило. Лопата, кстати, ужасная, из срезанного куска то ли багажника, то ли капота. Звук, который она издавает при шкрябании

асфальта, так меня бесит, что я еле сдерживаюсь, чтобы не зашвырнуть ее подальше за Обочину.

Теперь про гостей. Это произошло внезапно. Начали дергать наружную дверь, которую я научилась запирать на всякий случай. Я ужасно перепугалась! Ведь я же одна. В том смысле, что страшно одной, когда появляются какие-то незнакомцы, вдруг они с совсем недобрыми намерениями? Вдруг это люди Короля, которые пришли проверить, что тут творится после погрома. А еще я просто привыкла быть в одиночестве. Очень быстро факт того, что вокруг на много километров ни души, стал для меня обыденностью. О том, что Пробка все же потихоньку движется и ужасное горелое кладбище медленно разгребается, я благополучно не думала.

Я была бы рада выглянуть и посмотреть, кто там, но у этого странного здания нет окон в сторону дороги на втором этаже! Только в Немир. Так что пришлось спускаться, и я, конечно, сразу спалилась. Иду вниз по лестнице, а в окне уже силуэт: приложил ладони домиком к стеклу и прислонился к ним лбом, чтобы рассмотреть, что внутри. Ну и рассмотрел меня и как давай махать рукой, кричать “Ээээй!”, а потом и вовсе стал долбить в стекло, но, справедливости ради, довольно деликатно.

Пришлось открыть… и улыбнуться! Я не самый радушный на свете человек, с книжками больше времени провела, чем с людьми, сама не ожидала, что радостная улыбка сама полезет на лицо, я даже, кажется, какой-то странный писк издала. Они были тепло одеты, с полсекунды я их не узнавала, но потом — да. Одна невысокая, в пухлой куртке, капюшон натянут, меховая оборка мешает разглядеть лицо, но за спиной на лямке — чехол от гитары. И вот его-то я узнала! Веста! Из театра!

Ну, а ее спутницу не узнать было невозможно, кто еще могла так разодеться, только Татьяна! Шуба — в пол, меховая шапка, шарф какой-то невероятный… видно было, что это все театральный реквизит, причем довольно сильно потасканный, да и моль поработала, но все равно до чего эффектно!

Они тоже давай кричать от радости и удивления, стали меня обнимать, зашли внутрь, подивились “хоромам”, как сказала Татьяна.

От них я и узнала, что Пробка вообще-то, уже совсем близко, их участок Лемана так вообще в часе ходьбы. Им захотелось посмотреть

на Бензоколонку — по всяким причинам. Веста захотела вдохновиться на новые песни и постановки, а у Татьяны интерес более прикладной — ей показалось, что такую большую постройку можно было бы приспособить под стационарный театр.

— Но ты, кажется, уже заняла это место под другое, — заметила она, оглядев ряды парт.

А я ведь их просто так расставила, ничего такого не имела ввиду! Ну, то есть… мне просто хотелось вернуть то, что я помню, школу, знания, веселье. И выгнать из этого места дворцовый дух бензинового насеста.

Поэтому я сразу сказала, что да, конечно, давайте сделаем театр! Парты, они ведь и в зрительный зал легко превращаются. И сцену точно можно куда-то приспособить!

Просто оставьте мне комнату на втором этаже с библиотекой и все.

Но Татьяна помотала головой и твердо сказала:

— Нет, дорогая моя Аня. Тут будет школа. Это гораздо важнее.